

10 фев. 1985

— Микаэл Леонович, давайте начнем разговор тем, чем обычно его заканчивают. Над чем вы сейчас работаете? Что вы сейчас делаете?

— Сейчас закончена моя новая опера «Ожидание». Это моноопера на одного человека, и ее исполняет очень хорошая камерная певица Елена Комарова. В Горьком прошло одно из первых исполнений этой оперы. Это произведение на стихи Роберта Рождественского ставится сейчас в Москве в камерном оперном театре под художественным руководством Бориса Покровского.

Закончена новая работа — балет по картинам Пабло Пикассо. Условно я назвал его «Герника», а может быть, он будет называться «Девочка на шаре». Это балет о пути художника. В основу его положены образы его произведений. Совсем недавно я вернулся из Западного Берлина, где исполнил фрагменты из этого балета. Он будет поставлен в Москве, сейчас ведутся переговоры с музыкальным театром имени Станиславского и Немировича-Данченко.

Что касается кино, то затеваются две большие работы. Это, во-первых, киноопера «Снежная королева» по Андерсену, сценарий которой и стихи написал наш замечательный драматург и поэт Вадим Коростылев. Фильм будет сниматься в творческом объединении «Экран». Начинается работа над фильмом, продолжающим киноцикл из картин «Судьба резидента», «Ошибка резидента»...

— Вы автор музыки к 80 фильмам, в том числе и таким широко известным и популярным, как «Адам женится на Еве», «Ирония судьбы», «Семнадцать мгновений весны». Чем для вас интересна возможность работы в кино? Может быть, это желание написать цикл песен, в котором можно обстоятельно развить свою тему?

— Нет, это не так. Я ведь начинал работать в камерном жанре, потому что это мой дом. А потом я очень увлекся кино, и так, что мое увлечение «главной» музыкой было весьма сильно потеснено. Это продолжалось лет 10—15. Я был сильно увлечен еще и потому, что музыка, которую я писал, будь то симфоническая или камерная, исполнялась очень нескоро, а мне хотелось услышать ее поскорей. Кино же обладает в этом смысле особой мобильностью «публикации» твоих произведений. И это огромная школа для композитора, если он хочет еще и экспериментировать: сочетание оркестра, голоса, других компонентов выразительности... Это очень большая школа для композитора, если, конечно, не останавливаться в ней навсегда. Я убежден, что надо работать в разных жанрах.

Сейчас я где-то возвращаюсь к музыке, не связанной ни с режиссурой, ни с другими компонентами: собираюсь работать над балетом «Девушка и смерть» по Горькому, писать новые вокальные циклы.

— Часто для своих текстов вы выбираете «вечную» поэ-

зию: Шекспир, Лермонтов... Что это? Ваша позиция в проблеме, о которой сегодня много говорится, по отношению к песне, вокальной камерной музыке?

— Я убежден, что, когда разделяют поэтов на гениальных, талантливых, способных, хороших или нехороших, это все, по-моему, неточно. Я считаю, что есть две категории: поэты и не-поэты. И никакой середины, мне кажется, здесь нет. Это, конечно, шутка, но в ней много правды. Кто для меня поэт? Это тот, кто умеет создать свой собственный мир. Он создает его собственным неповторимым языком из своего видения окружающего. Он имеет свою точную позицию. И когда вы открываете томики их стихов, вам ясно, что перед вами поэзия Маяковского, Беллы Ахмадулиной, Пастернака, Шекспира, Лермонтова, Пушкина... Мы сразу узнаем их стихи. Мне кажется, поэты не имеют вре-

можности, голос. И в этом есть свой резон. А есть авторы, которые пишут свою музыку, потому что она пишется именно такой. Потом начинаются долгие и мучительные поиски исполнителя. Вот пример с вокальным трио «Меридиан». Когда был написан цикл на стихи Вознесенского, посвященный памяти Владимира Высоцкого (он был написан в год его смерти), я долго не мог найти исполнителя. Позднее появилось трио «Меридиан», с которым мы очень долго работали над этим циклом. Но это трио было выбрано потому, что эта вещь была в возможностях этого ансамбля.

— И все-таки по каким признакам вы находите исполнителей для своих произведений? Вспомним Елену Камбурову, трио «Меридиан» и других.

— Я люблю исполнителей, когда певец по-настоящему музыкален, когда он интеллигентен, а это, к сожалению,

никогда, подчас редкость на эстраде. Я выбираю исполнителя еще по одному принципу — по степени его профессионализма. Я считаю, что певец, музыкант должен нести со сцены благородство, гуманность и мысль. Я не исключаю, что должны быть на эстраде исполнители, которые просто развлекают. Они, наверное, должны быть, но они мне не близки. Есть музыка для танцев, развлечения отдыха (я и сам люблю отдохнуть), но это мне на концертной эстраде неинтересно. Вот почему я выделяю таких исполнителей, как Елена Камбурова, Жанна Бичевская, трио «Меридиан» и других.

— Микаэл Леонович, как живется сегодня песне? Что такое понятие общенародной песни сегодня? Может быть, произошло и некоторое переосмысление этого термина сегодня? Может быть, общенародная песня не только та, которая всеми поется, но и та, которая все-

ми слушается? Допустим, ваши песни из «Иронии судьбы» звучали везде, начиная от пляжа и кончая многомиллионными аудиториями радио и телевидения.

— Понятие общенародной песни сегодня стало более широким. Раньше ею считалась песня, которую все поют. Их пели везде — от демонстрации до застолья. Эти песни остались, и они будут. Но мне кажется, что в это понятие включено сегодня и понятие тех песен, той музыки, которую все слушают и любят слушать. Необходимо, если песню трудно спеть, она плоха. И необязательно, если она вам влетает в уши и вы ее все время «мурлыкаете», она хороша. Ценность песни не в этом. Либо она оставит у вас в душе след, либо вы ходите, «мурлыкаете» ее и не знаете, как от нее отвызаться.

Поэтому эстрада, любой другой жанр должны нести в себе позицию, мысль и чистоту. Человек, выходящий на эстраду, должен что-то сказать людям о нашем сложном мире, в котором мы живем. Есть дискотечная музыка, но я убежден, что она должна звучать в дискотеках, во время танцев, а не в концертных залах. А сегодня очень часто концертные залы превращаются так или иначе в дискотечные. Молодежь любит потанцевать, и это естественно, но для этого надо идти в дискотеку, а в зале концертном надо слушать музыку и слышать ее.

— Часто разговор о песне касается понятий популярности ее и долгожительства. Гарантирует ли популярность песни долгую ее жизнь?

— Я убежден, что здесь не может быть законов, а делать прогнозы в искусстве — это еще более опасно, чем предсказывать погоду. Часто «хит-парады», которые пуб-

ликуются, не дают объективной картины жизни песни. Появившиеся на Западе, они выполняли (и выполняют) очень точную функцию: переделывать популярность то или иного шлягера с очень точными выводами о том, какой из них дает коммерческий доход. Вряд ли нужно именно это. Если мы говорим о воспитании об эстетике, об идеологии, мы должны более серьезно подходить к этим вещам. Недаром же Союз композиторов совершенно справедливо выступил против такого рода анализа.

Если же мы хотим провести серьезное социологическое исследование, то есть ведь специальные модели таких исследований, в которых представлен срез общества: молодые рабочие, студенты, школьники, разные их возрасты. А потом этому опросу ЭВМ дает в точный анализ явления.

— На творческих встречах с композиторами почти всегда возникает вопрос отношении к самостоятельной песне бардов.

— Это одно из ярких течений в нашей песне. Некоторые полагают, что оно родилось в наше время и давно. А кем был герой Отечественной войны 1812 года, Денис Давыдов? Он сам писал музыку, сам сочинял стихи и исполнял свои песни. Это я говорю к тому, что песни бардов имеют у нас стране прекрасную историческую традицию. Самодельные песни современных бардов — подчас хорошая прививка против той пошлости, которую мы иногда слышим с эстрады. Это мера искренности, которую принесли Высоцкий, Маяковский, Окуджава, Визбор. Барды не умирают, как поэты. Высоцкий спорил до того, чтобы мы стали хохотать капелючку лучше.

Беседу вел
С. ЧУЯНОВ.

Высокие мгновения музыки

ВСТРЕЧИ В ГОСТИНОЙ «ЛС»

Его вечера — это всегда заинтересованный разговор о современной музыке, ее проблемах, счастливых мгновениях и неудачах. Он пристрастен в своих суждениях, но пристрастность эта идет от убежденности большого художника, интенсивности его многолетних поисков.

Горьковчане знают и любят музыку лауреата Государственной премии СССР, лауреата премии Ленинского комсомола МИКАЭЛА ТАРИВЕРДИЕВА. Сегодня Микаэл Леонович — гость нашей рубрики.

мени. И я убежден, что со-
неты Шекспира, на которые
я написал музыку в фильме
«Адам женится на Еве», аб-
солютно относятся и к на-
шему времени. И в этом от-
личие настоящей поэзии, ко-
торая не стареет. Стареют
тексты песенок, которые
«умирают» через полгода.
Поэзия же не стареет.

То же самое относится и
к музыке. Мы можем взять
музыку Шедрина, Пахмuto-
вой, Чайковского, Шостако-
вича, и вы ее узнаете (я
специально называю компо-
зиторов самых разных на-
правлений, жанров), потому
что у каждого из них — свой
собственный язык, свой об-
разный мир.

— Когда вы говорите о ра-
боте с певцами, то отмеча-
те, что не пишете специаль-
но для исполнителя. А меж-
ду тем, работая с певцами
Галиной Бесединой и Серге-
ем Тараненко, вы две песни
репетировали в течение ме-
сяца...

— Я говорил о другом,
когда подчеркивал, что не
пишу специально для ис-
полнителя. Есть два типа
композиторов, и оба абсо-
лютно правомочны. Есть
композиторы, которые пи-
шут с прицелом на того или
иного исполнителя, рассчи-
тывая на его диапазон, воз-

«...Сказать людям о сложном мире».

Фото В. ШОХИНА.